

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

СТР. 6-9

О РОЛЯХ НЕ МЕЧТАЮ

**ЧЕТЫРЕ
ГОДА
СПУСТЯ...**

СТР. 14-15

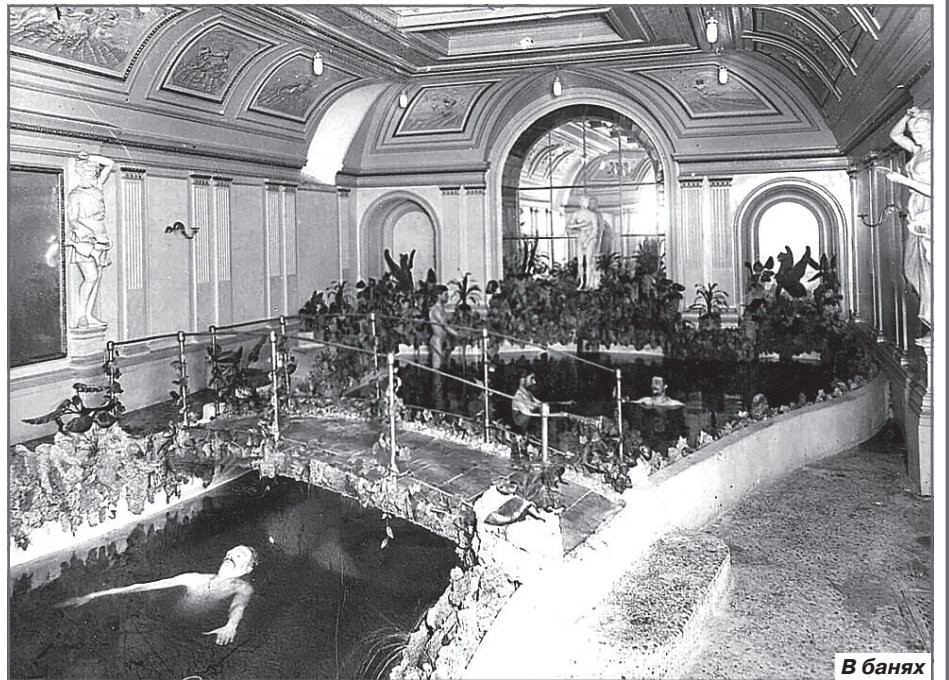
СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

БУЛЬВАРНЫЕ
НОВОСТИ

№21 (259)
МАЙ 2025

Швейцар у входа в бани

В банях

Женский портрет.
Художник К. Маковский. XIX век

Геннадий Норд

Два сильнейших правоведа Российской империи столкнулись в суде: прямодушный Анатолий Федорович Кони и беспринципный Владимир Данилович Спасович, репутация которого спустя несколько лет будет безнадежно замазана, а имя станет синонимом адвокатского цинизма и нечистоплотности. Но в 1872 году речь о грязном пятне на мантии защитника еще не шла, напротив, Спасович считался человеком весьма положительным, передовых взглядов. Словом, это была дуэль между двумя гигантами правосудия.

А вели они, как ни странно, дело не слишком громкое: не были в нем замешаны ни разорившиеся банкиры, ни восплававшие чувствами актрисы, ни расправившиеся с соперниками в любви аристократы... Нет, история эта была о выходах из крестьянской среды, в душах которых кипели бурные страсти.

Шестнадцати лет от роду прибыл Егорка Емельянов в столичный Петербург и устроился на должность весьма выгодную финансово, но крайне разрушительную нравственно. Стал он банщиком при номерных банях - там, где за определенную плату посетители могли получить отдельное помещение и различного рода услуги.

Так уж сложилось, что услуги эти заключались не только в помощи парильщика и организации стола с легкими и не очень закусками. Пользовались номерами мужчины - холостые и женатые - для приятных удовольствий совсем иного толка. За вознаграждение, сунутое очередным страждущим женской ласки в карман, банщик готов был привести к посетителю барышень свободных нравов на любой вкус и кошелек. Приятные блондинки, очаровательные брюнетки, совсем еще молоденькие или пышно расцветшие дамы - кого только не повидал на своем веку Егор. А уж каких клиентов ему приходилось обслуживать: холеные купцы, женатые и растившие по

БАНЩИК

дюжине ребятешек, бедные чиновники, тратившие казенные средства, студенты, гулявшие с озорством и выдумкой... В номерных банях - этих, по мнению благонравных горожан, рассадниках порока, - раскрывались самые темные стороны человеческой натуры.

Неудивительно, что банщиков считали людьми шатких моральных устоев. И Емельянов свою репутацию вполне оправдывал.

Он имел мало слабостей: не склонен был, в отличие от многих, ни к злоупотреблению веселящими сердце напитками, ни к чревоугодию... Зато были у него другие недостатки. Характером Егор отличался властным, самолюбивым и беспокойным, порывы свои он не сдерживал - готов был и в драку влезть, и слабого обидеть. Оттого-то большая любовь его - темноволосая красавица Аграфена Сурина, бойкая нравом прачка, не раз испытывала на себе тяжесть его кулаков... Да что поделаться, прощала. Всем ведь на Руси известно: если бьет, значит любит!

Два года Емельянов водился с Аграфеной, да вдруг заявил ей: он женится. Встретил он тихую Лукерью - полную противоположность его темпераментной любовнице. Совсем не такова Луша как те, с кем имел он обычно дело: эта полненькая белокурая женщина, молчаливая и терпеливая, пленяла его свежестью и невинностью - редкие качества для девушки... По крайней мере, с точки зрения Емельянова.

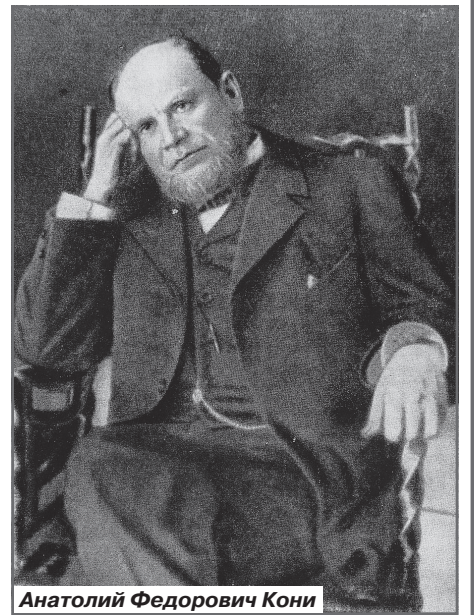
Потому-то, несколько раз повстречавшись с Лушей, он сделал ей предложение - к чему тянуть? - да и повел под венец.

Владимир Данилович Спасович

Однако, счастливая супружеская жизнь длилась недолго: Егор получил, что желал - невинную девицу, а более Лукерья ничего предложить ему не могла. Пусть она вела хозяйство и работала, но этим ведь чувства не заменишь! Правду Емельянов осознал быстро: добрая и чистая Луша не смогла заменить ему Аграфену, при встрече с которой, как и прежде, замирало в груди.

От понимания, что потерял он Грушу, становилось особенно горько. Долго ли она проходит еще незамужней? И банщик вновь нашел дорожку к сердцу возлюбленной: а та, пусть была и рада, но

Анатолий Федорович Кони

возможности кольнуть не упускала. Заявила, человек он теперь женатый, так что она уступила его страсти в последний раз.

Тогда-то Емельянов и решился. Выход, им придуманный, был прост: Лукерью следовало убрать с пути, чтобы больше не мешала его счастью с Аграфеной. План он продумал тщательно: за драку у бани с неким студентом, нарушавшим общественный порядок, должны были определить его под арест на семь суток. Поскольку в полицейском участке служили его знакомые, то Егор и договорился: отсидевать положенное он придет сам.

14 ноября вышел он из дома поздно вечером, выкликнул по дороге свою Грушу, да и предложил ей пойти его проводить, назначив встречу на берегу речки Ждановки. Когда Аграфена, одевшись потеплее, подошла к условленному месту, то увидела страшную картину: любимый ее своими руками топил жену!

Сколько бы Груша ни была легкомысленна, но жестокости в списке ее дурных качеств не значилось. Она пришла в такой ужас, что убежала прочь! А на следующий день услышала: Лушу, пролежавшую ночь в холодной воде, нашли.

Расследовать случай этот не стали: признали, что Емельянова сама лишила себя жизни, и похоронили несчастную.

Но Аграфена забыть о случившемся не смогла: тяжелой виной легла гибель Лукерьи на ее душу. Оттого-то она и открылась любопытной товарке, спросившей: - Не ты ли это с Егором утопила?

Что знают трое - то знают все: слухи о драматической гибели Луши от рук мужа быстро разошлись по окрестностям, и полиция была вынуждена вновь поднять дело.

На стороне обвинения выступал Анатолий Федорович Кони, защищал Емельянова Владимир Данилович Спасович.

Поскольку прямых улик было мало - уж не оговорила ли любовника Аграфена? - то дело переросло в битву правоведа, жаждавших доказать свою версию событий. И Кони победил: банщика Егора Емельянова лишили всех прав и приговорили к восьми годам каторги.

Река Ждановка